

Биографический отдел

Шамфор: „Интеллектуалисты совершают много казвких ошибок, потому что не могут поверить, что мир так глуп.“

Шаляпин: актёрское интонирование.

«Шапель №5»: смесь ароматов жасмина, майской розы, сандала и иланг-иланга. Коко назала выпустить эти духи около 1920 или чуть позже. Выпускаются поныне.

Биографический отдел

Интервью с д.ф.н. заведующим кафедрой истории русской литературы МГУ В. Б. Катаевым

Вопросы задавал Б. В. Орехов

Если идти по порядку, то дело было так. К тому времени я третий год работал в Сорбонне. Это был 90-й год. С одним из французских коллег был замысел собрать международную конференцию по Чехову. Мы собирались-собирались, а потом оказалось, что это возможно. Весной 1990-го года. По-моему, был март. У нас в Советском Союзе тогда только только начинали отворяться двери для широких выездов за границу, и я включил в состав приглашаемых Виктора Ерофеева (он работал в ИМЛИ и написал что-то, связанное с французской литературой), Александра Чудакова (он не приехал, но прислал вместо себя жену Мариэтту), Татьяну Шах-Азизову, Эмму Полоцкую, Зиновия Паперного и двух ближайших друзей по аспирантуре Илюшина и Назирова. У Илюшина к тому времени пропал запал путешествовать, хотя с молодости у него был сильный дух бродяжий. А Рома откликнулся и приехал.

Назирова я с легкой совестью включал в состав, потому что у него уже была статья о «Черном монахе» и «Сильфиде» Одоевского. Тут он предложил так: «О рассказе Чехова «В море» в сопоставлении с В. Гюго». Потом эта статья была в сборнике конференции. Всё это продолжалось дня три или четыре. Был такой вечер. Первый день размещались в разных недорогих местах (это было общежитие при Сорбонне). В день открытия конференции выступали с докладами, а вечером нас пригласила Жаклин де Пруайяр, которая скончалась совсем недавно. Она занималась Пастернаком в свое время, и она как раз вывезла один из экземпляров «Доктора Живаго». Она подружилась с Пастернаком, написала о нем книгу, и он-то ее и навел на Чехова, сказав, что в Юрии Живаго я во многом ориентировался на Чехова. Так как у нас не рекомендовали или даже запретили заниматься Пастернаком, она перешла на Чехова, очень углубилась в тему и стала замечательным исследователем. Сама она потомок наполеоновского маршала, графиня. У неё в центре Парижа есть особняк или я бы даже сказал небольшое поместье. С видом на Эйфелеву башню. Она пригласила к себе участников конференции и Ромэн Гафанович там тоже, естественно, был, знакомился с теми, с кем не был знаком.

На следующий день мы гуляли с ним по Парижу, и я помню, что у него было довольно спокойное выражение лица. Всё-таки человек первый раз попал в Париж, можно было ожидать каких-то восторгов, проявления чувств. Но когда мы подошли к памятнику маршалу

Нею, он снял с головы свой берет, склонил голову. Видимо, к маршалу Нею он питал какие-то особые чувства. Мы гуляли, и я спрашивал его, почему он равнодушно относится к местам, которые мы посещаем. А Назиров отвечал: «А я всё это уже описал в своих романах». Видимо, и беллетристику он тоже какую-то писал.

Это было для него характерно. Я знал степень его эрудированности, погруженности и в мировую, и во французскую и историю, и литературу.

Это 1990-й год. У нас товарный дефицит, а там всё — пожалуйста! Он для жены покупал там что-то в магазине, куда я его водил.

Он писал потом в письме о своих впечатлениях от Парижа.

– Почему Назиров не защитил докторскую диссертацию в 1980-х, когда она была написана?

В 1980-е мы были с ним на расстоянии. Я работал здесь, а он там в Уфе. Если вы точного ответа ждёте, то я дать его не могу.

Чтобы ввести в контекст, я расскажу вот что. На кафедре тогда (да и в последующие времена) наибольшее значение придавалось предварительному обсуждению, тому, что условно называется предзащитой. Почему так? На защиту выносилось то, что одобрено кафедрой, то, что кафедра приняла. Тогда голосование Совета было чистой формальностью.

У нас ведь были аналогичные случаи. Вот Владимир Николаевич Турбин. Он тоже представил диссертацию, но так и не защитил. Ушёл в мир иной доцентом. Были и другие.

По процедуре назначались три кафедральных рецензента. Кто ещё был рецензентом у Назирова, я не помню.

– Илюшин тоже читал диссертацию и составил отзыв¹. Но, может быть, не всю работу, а только на отдельную часть.

Иногда это растягивалось у нас на несколько частей. Сначала обсуждались отдельные главы. Может быть, тут так и было. Я писал отзыв² на законченную диссертацию. Предзащита была тут, в МГУ. Всех подробностей этого я не помню. Предположение такое. Были высказаны какие-то замечания (кто ещё был рецензентом? Ну, условно, мог быть профессор Пустовойт), а Ромэн Гафанович мог на это остро прореагировать. Он был человек амбициозный. Тем более, если замечания были несправедливыми. Тогда решающую роль играл (и, скорее всего, сыграл) наш заведующий, мой предшественник, Василий Иванович Кулешов.

Василий Иванович был гораздо более авторитарным руководителем, чем я после него. У него были случаи, когда он заворачивал диссертации, например, Турбина (у них были даже личные какие-то расхождения). Палиевского, известного литературоведа. Ещё ко-

¹Илюшин А. А. Отзыв о докторской диссертации Р. Г. Назирова «Традиции А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя в русской литературе (опыт сравнительного исследования сюжетов и фабул)» // Назировский архив. 2017. № 4. С. 96–98.

²Катаев В. Б. Отзыв о докторской диссертации Р. Г. Назирова «Традиции Пушкина и Гоголя в русской литературе» // Назировский архив. 2019. № 1. С. 64–67.

го-то. Если он что-то для себя решал, то он стоял на своём до конца. Было ли это в случае с Ромой Назировым? Я так с уверенностью сказать не могу.

Я помню, что Рома уезжал с обидой (не на кого-то лично, а на произошедшее). У него замечательная диссертация, и он ехал, видимо, с полной уверенностью, что всё пройдёт на ура. Но на ура не проходило.

Но я боюсь сказать, что Кулешов встал на пути диссертации, как шлагбаум. Не могу такого сказать.

– То есть недопонимание могло возникнуть из-за темперамента Назирова?

Это сыграло роль, несомненно. Он человек самолюбивый. Это и в других случаях проявлялось.

– Могло ли быть дело в том, что Назиров пользовался каким-то особым литературоведческим языком, который не был здесь близок специалистам?

Нет. А что такого? Ни постмодернистского, ни авангардистского он ничего не писал. Что касается самой концепции, то нужно посмотреть сам текст диссертации. Но из перечитывания своей рецензии я делаю вывод, что было много новаторского, свежего, нового. То, как трактуются фабула и сюжет, — к этому на кафедре теории могли придираться. Может, и у нас кто-то к этому придрался? Но это не так существенно. Скорее всего, ему было предложено поработать и спустя какое-то время приехать и ещё раз обсудиться. Это был наиболее вероятный исход обсуждения. Категорического «нет», «не приемлем», «не годится» не было. В случае с Турбиным, кстати, было почти так, потому что там действительно были идеологические расхождения. В случае с Назировым этого не было. Было пожелание поработать ещё, а Рома мог воспринять это как категорический отказ.

И для вас как для биографа это главная загадка? Почему Назиров не защитил диссертацию? Вы знаете, у крупных серьёзных событий бывают какие-то ничтожные поводы и причины. Чего-то крупного, громогласного я не припоминаю.

У Турбина отвергли диссертацию приблизительно в то же время. И с Палиевским Кулешов шёл «на ты» тогда же. Может, Роме показалось, что такая обстановка на кафедре? Нет, вроде, ничего такого. . .

– А он мог взять и поехать с этой диссертацией в другое место?

Никто ему не запрещал. Но он, видимо, решил всё-таки здесь поначалу. А потом что-то заставило его передумать.

Для меня как для его друга было ясно, что всё это несправедливо по отношению к нему. Я сам незадолго до этого защищал диссертацию и проходил через все эти чистилища. И Илюшин проходил. И всё было благополучно.

– А вы потом не поднимали этот вопрос в разговорах с ним? В 1990-м году, например.

Может быть. Я не помню. Я не слышал с его стороны никаких определенных высказываний, проклятий в чей-то адрес или чего-то подобного. Я не могу сказать, что этот или тот виноват.

– Из ваших слов как будто следует, что виноват сам Назиров, который уехал после обсуждения и не вернулся с переработанным вариантом диссертации.

Формально — да. Но кроме того наверняка что-то было в личном отношении заведующего кафедры к нему. До этого мы с ним в один день защищали кандидатские диссертации. И у него было всё гладко и никаких препятствий никогда не было.

Вот сейчас мне почему-то вспомнилось. В высотном здании в общежитии жили разные люди. Я помню стычку Ромы с одним литовцем. Я не застал начала, но застал резкую отповедь, которую Рома давал этому литовцу, сравнивал его с этими лесными братьями, которые столько там натворили у себя в Литве. Что-то из речей этого литовца он почувствовал как наследие идеологии лесных братьев. Это было для него совершенно неприемлемо. Литовец пытался спорить, но с Ромой трудно спорить. Он его буквально разложил. Я не помню, в каком году это было.

Ещё одна черта. Рома был ценитель женских достоинств. Не только красоты. Но именно по-достоевски: «И босоножками не пренебрегайте».

Я буквально вчера говорил с женой, которая тоже его знала. Для неё Рома — воплощение интеллигентности, хотя он бывал в выборе слов человеком ничем не скованным. У нас был один и тот же научный руководитель, А. Н. Соколов. Его главным достоинством и с моей, и с Роминой точки зрения, было то, что он не мешал нам, не вмешивался совершенно в то, что мы делали. Но у нас проходило это немного по-разному. Я в то время увлекался идеями Колмогорова по поводу стиховедения, структурализмом, а Рома к этому всему был равнодушен. В этом смысле он традиционалист сугубый, но с очень оригинальным и глубоким подходом. В этом мы с ним различались. А общее было то, что оба с Урала — я из Челябинска, а он из Уфы. Мы иногда друг друга подначивали. В то время Уфа была даже в каком-то экономическом подчинении у Челябинска. Последняя встреча с ним была именно в Уфе, когда мы с женой году в 1996-м на теплоходе из Москвы до Уфы доплыли. Он встречал нас замечательно, роскошно.

Тут был Саша Илюшин, москвич. И в Роминых глазах, и в моих это был филолог Божьей милостью. У него изумительная память и русскую поэзию он мог с любой строчки любого поэта начать читать. И по характеру — в те молодые годы гусарствовал, ну и мы все гусарствовали. Рома — нет.

В общежитии у всех общие проблемы. Стипендия небольшая. Всё время разговоры. Я ему что-то своё о Достоевском, а он мне что-то своё о Чехове, о котором я писал. И тут были у нас и споры, и расхождения.

Сейчас мне это уже немножко непонятно, но тогда я не раз повторял, что люблю его за его простодушие. Вот, казалось бы, к Назирову это неприложимо. Но вот эта его готовность реагировать сразу непосредственно, что ни скажешь — он реагирует, это для меня

было проявлением простодушия. За характер я его любил. У каждого есть недостатки, он смотрел на мои сквозь пальцы, я на его. Время было хорошее.

Любовь к нему я сохранил. И уже совсем наши дороги разошлись, но в 1990-м году я был убеждён: надо, чтобы Рома приехал в Париж. И это состоялось.

– Назиров, как и вы, работал в газете до аспирантуры.

Я работал в газете и я приехал поступать в целевую аспирантуру. Я вернулся после аспирантуры в Челябинск и там два года работал, хотя я уже женился, у меня жена была москвичкой, но я только в 1967 году вернулся обратно в Москву.

Это тоже, может быть, сближало.

Мы с Сашей Илюшиным тоже сблизились и он оценил достоинства Ромы. И это тоже помогали сближению. Мы иногда бывали в доме Илюшина здесь в Москве.

– Почему Назиров, известный как исследователь Достоевского, берется за Чехова в 1990-е годы?

Чехов может вовлечь любого, особенно такого, как Назиров. Ведь в чём достоинство Назирова, если пытаться это ретроспективно определить? Он хотел дать в целом концепцию золотого века русской литературы от Пушкина до Чехова. Ещё одно достоинство. Он сопоставил «Чёрного монаха» и «Сильфиду» Одоевского. Я об этом не знал. Я в его работе об этом прочитал. Уже когда стал углубляться в это, я увидел, что там всё немного иначе, но первым на это навёл он.

В чём я с ним не соглашался, а сейчас, пожалуй, признаю, что был не прав. У него были при его обширнейшей эрудиции такие сближения иногда очень далёких фигур, скажем, из русской литературы и из западной. Или внутри русской литературы.

Моим учителем был С. М. Бонди, который не принимал совершенно таких надуманных сопоставлений. Надуманных в каком отношении? Он признавал только то, что признавали и сами авторы. Ну, скажем, Пушкин. Если он говорил, что это из Вольтера, а это из князя Шаликова, это надо учитывать и принимать в расчёт. А Пушкин и (условно говоря) какой-нибудь японский поэт его времени — Рома мог такое сопоставление сделать. Это то, что потом стало теорией интертекстуальности. И Рома, можно сказать, ещё до её оформления эту идеологию исповедовал, и блестяще находил следы прежних текстов.

Я вслед за Сергеем Михайловичем говорил ему: ну что ты! Чехов наверняка не читал «Сильфиду» Одоевского. Нет никаких оснований их сопоставлять. Но есть такое понятие — типологическое сопоставление. К литературоведению разве это имеет отношение? Он стоял на том, что имеет.

Сейчас теорию интертекстуальности преодолели и сами основатели этой теории, но свои следы она оставила. Рома уже тогда здесь имел свой резон для такого рода сопоставлений. Скажем, «В море» и «Труженики моря» Гюго. Чехов вряд ли читал этот текст. Но сопоставить их интересно.

– Вы наблюдали, как переживала становление знаменитая эрудиция Назирова? Может быть, вы видели, как он вставал рано утром и шёл в библиотеку?

Ну, мы всегда тогда вставали и ходили и этим расширяли свой кругозор. Но у него были свои ориентиры, в какую сторону расширять. И он последовательно это делал. Он проявлял тогда уже большой интерес к американским и французским филологическим исследованиям. К Нортропу Фраю, хотя он не американец и не француз.

– Канадец.

Да. Рома у кого-то из наших соседей по этажу взял его книгу и проштудировал. Потом хорошо оперировал им.

У него был интерес в смысле расширения знания литературных текстов. Он уже и из Уфы приехал с обширными знаниями. Новейшие веяния в области литературоведения — это есть. Я шёл тогда немного в другую сторону: Колмогоров, стиховедение, Лотман, структурализм. Нет, он был к этому спокойно равнодушен.

– В 90-е он всё же пришел к лотмановским трудам.

Лотман разный. Лотман был традиционалистом в работах о поэзии. А к структуралистским идеям Назиров был равнодушен.

– То есть в Лотмане Назирова интересовала история культуры, а не семиотика?

Конечно.

– Какими были взаимоотношения с научным руководителем?

На предзащите моей кандидатской диссертации я выдержал натиск одного нашего коллеги, Николая Александровича Глаголева. Фигура из старой гвардии. Он в 1937 году стал главным редактором журнала «Литература в школе». Он разгромил мою кандидатскую диссертацию и я до сих пор благодарен А. Н. Соколову, который выступил мягко в своей манере (а Соколов, как потом выяснилось, кончил не то духовную семинарию, не то академию), но осадил эти наскоки Глаголева. И это сыграло свою роль, и всё прошло благополучно. На Рому, по-моему, таких наскоков не было.

– Это рифмуется с моими воспоминаниями о том, как Назиров давал свободу своим студентам, но от нападок их защищал.

Порядочность не покупается и не приобретается. Она была врожденная.

Я припоминаю. Своим первым серьёзным учителем он считал Барага. От него он, наверное, тоже что-то воспринял.

– Кажется, сотрудника вашей кафедры Руслана Ахметшина Назиров особенно выделял среди своих учеников.

Руслан Ахметшин появился на нашей кафедре, и я его принял именно как посланца Ромы Назирова. Меня он привлёк несколькими моментами.

Мы тогда проводили совместный семинар с Тюбингенским университетом, организовали его с профессором Клюге. Человек десять аспирантов с нашей и с их стороны. Сначала мы едем к ним, а потом они приезжают к нам. Мы издали книгу материалов семинара. Руслан Ахметшин служил в армии, я сразу заметил, как он отличается от наших мальчиков и девочек, которые сразу выскакивали из студенчества в аспирантуру. Мне приглянулись и какие-то его человеческие качества. Пока он учился в аспирантуре, я переманил его на Чехова, сначала он хотел заниматься Островским. Он охотно перешёл, стал углубляться в Чехова. Когда он защитился, он продемонстрировал много положительных черт, и я ему предложил ему остаться у нас. Тогда это было возможно, и даже легко. Он был сначала лаборантом, потом преподавателем. Для кафедры это было хорошим приобретением.

– Назиров не мог обидеться на это?

Нет, для человека возможность расти в Москве дальше, это хорошо.

Когда мы в 1990-х приехали в Уфу, нас встречали и семья Ахметшина, и Рома Назиров. Я видел, что у них могут быть непростые отношения, но упрёков со стороны Ромы я не слышал.

